

В. П. Кирилко

**О времени строительства
мангупского октагона и его идентификации
(к вопросу об интерпретационных
возможностях источников)**

V.P. Kirilko.

On the Dating of Mangoup Octagon and its Identification (towards Interpretative Power of Sources).

Urban aspects and, especially, architectonics of a building are key factors to the dating of the octagon church in Mangoup and its identification. Based on the analysis compared to information of an epigraphic source the temple is believed to have been erected in 1427 and dedicated to St. Constantine and Elena as a castle church of the Feodoro rulers. This is supported by archaeological evidence.

V.P. Kirilko.

Despre perioada de construcție a octagonului din Mangup și identificarea lui (cu privire la posibilitățile interpretative ale surselor).

Aspectele urbanistice și particularitățile arhitectonicii edificiului sunt factori cheie pentru determinarea perioadei de construcție a bisericii octagonale din Mangup și identificarea ei. Analiza lor în juxtapunere cu informațiile de ordin epigrafic permit să considerăm, că acest templu a fost edificat în 1427 în numele sfinților Constantin și Elena în calitate de biserică de castel a conducătorilor din Theodoro. Materialele cercetărilor arheologice ale obiectului poartă un caracter auxiliar.

В. П. Кирилко

О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников).

Градостроительные аспекты и особенности архитектоники здания являются ключевыми факторами для определения времени строительства октагональной церкви Мангупа и её идентификации. Их анализ в сопоставлении с информацией эпиграфического источника дает основание считать, что этот храм был возведен в 1427 г. во имя свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви правителей Феодоро. Материалы археологических раскопок объекта имеют вспомогательный характер.

Keywords: Mangoup, Feodoro, octagon temple, complex of fortress, fortification, construction inscription, medieval architecture.

Cuvinte cheie: Mangup, Theodoro, biserica octogonală, ansamblu de cetate, fortificare, inscripție de construcție, arhitectură medievală.

Ключевые слова: Мангуп, Феодоро, октагональный храм, крепостной ансамбль, фортификация, строительная надпись, средневековая архитектура.

«Может и вправду есть смысл в утверждениях тех, кого природа одарила особым одухотворенным ощущением окружающего мира, о том, что на Мангупе существует особое историческое пространство-время, которое ощутить доступно каждому, кто не потерял вкус к аромату прошлого, осознает его органическое проникновение в настоящее, а значит, и угадывает контуры будущего».

(Герцен 2007: 59).

В 1890 г. Ф.А. Браун на территории цитадели средневекового Мангупа, в 50 м к северо-востоку от входа, раскопал восьмигранную в плане церковь (рис. 1: 1; 2). До начала работ на этом месте возвышался небольшой, густо поросший кустарником холм, на склонах которого всюду проступали из-под земли крупные, хорошо обработанные камни. В течение шести дней памятник был раскрыт полностью. Сохранность храма оказалась крайне плохой. От стен строения уцелели только нижние части кладки, а максимальная высота руин едва достигала 1,25 м. Сообщая о находках, учёный ограничился лишь упоминанием не идентифицированной медной монетки «с изображением мужской головки» (Отчет 1890: 21, 23, 34; Браун 1893: 16—19).

Каким временем следует датировать октагон, Ф.А. Браун не знал, ибо «не было найдено ничего, что могло бы послужить точкой опоры для определения его». Тем не менее, исследователь счел возможным отнести церковь к «до-татарскому времени, т.к. она построена очень тщательно и аккуратно», при этом особо подчеркнув тождество её кладки с древнейшими частями крепостных стен и дворца. Ф.А. Браун не смог установить и назначение здания. Первоначально видя в сооружении дворцовую часовню мангупских князей, по окончании работ он стал колебаться, объясняя свое сомнение тем, что «не нашел здесь ни малейших следов живописи или мозаики, не нашел также и обломков мрамора». По внешней форме церковь напоминала ему баптистерий, но отсутствие главного храма по соседству не позволило Ф.А. Брауну безоговорочно принять и эту версию (Отчет 1890: 23).

Осенью 1913 г. Р.Х. Лепер завершил раскопки октагонального храма. Судя по записям в полевом дневнике, в засыпи были найдены только «майоликовой большой чашки обломки, выс. ст. 7,5» и «поливные черепки», представленные четырьмя фрагментами. Ряд предметов, полученных при археологическом изучении здания, упомянут без указания конкретного места их обнаружения — «поливной черепок (желтый с коричневым

орнаментом)», «костяная палочка (ручка)» и «каменный кружочек с двумя отверстиями» (Дневник 1913: 31). По мнению исследователя, высказавшего предположение о возможном отождествлении октагона с храмом свв. Константина и Елены, «ничего важного эта раскопка не дала» (Протоколы 1914: 299).

Посредством археологических изысканий точную дату и назначение сооружения ни Ф.А. Брауну, ни Р.Х. Леперу установить не удалось. В конце июля 1891 г. остатки октагонального храма осмотрел Н.П. Никольский. По его мнению, церковь была возведена греками во 2-й пол. VI в. и входила в дворцовый комплекс — резиденцию епископа (Никольский 1892: 71, 79). Насколько результаты исследований Ф.А. Брауна сказались на выводах Н.П. Никольского, неизвестно. Во время раскопок октагона Р.Х. Лепером на Мангупе побывал А.Л. Бертье-Делагард. Позднее, в одной из своих работ, он отметил уникальность обнаруженной церкви, а некоторые характерные черты её архитектуры соотнес с традициями армянского зодчества. От датировки и атрибуции здания учёный, будучи сам археологом, тем не менее, воздержался (Бертье-Делагард 1918: 44).

Попытки определить время возведения и назначение октагона возобновились с начавшимся в 1938 г. комплексным археологическим изучением других памятников Мангупа. Исходя из восьмигранной формы плана и характера кладки (рис. 3)¹, А.Л. Якобсон высказал предположение о синхронности данного храма главной базилике города, датируемой им VI в. (Якобсон 1940: 220; 1959: 196—197). Эту версию поддержала и М.А. Тиханова (Тиханова 1953: 326). По мнению А.Л. Якобсона, строение могло быть крещальней. Е.В. Веймарн также видел в сооружении баптистерий (Веймарн 1953: рис. 2: 16), но относил его к VIII—IX вв. (Веймарн 1975: 460).

¹ Фотография была сделана во время крымской поездки А.Л. Якобсона 1926 г. (Фототека ИИМК РАН. 1197/97—101. I — 29716).

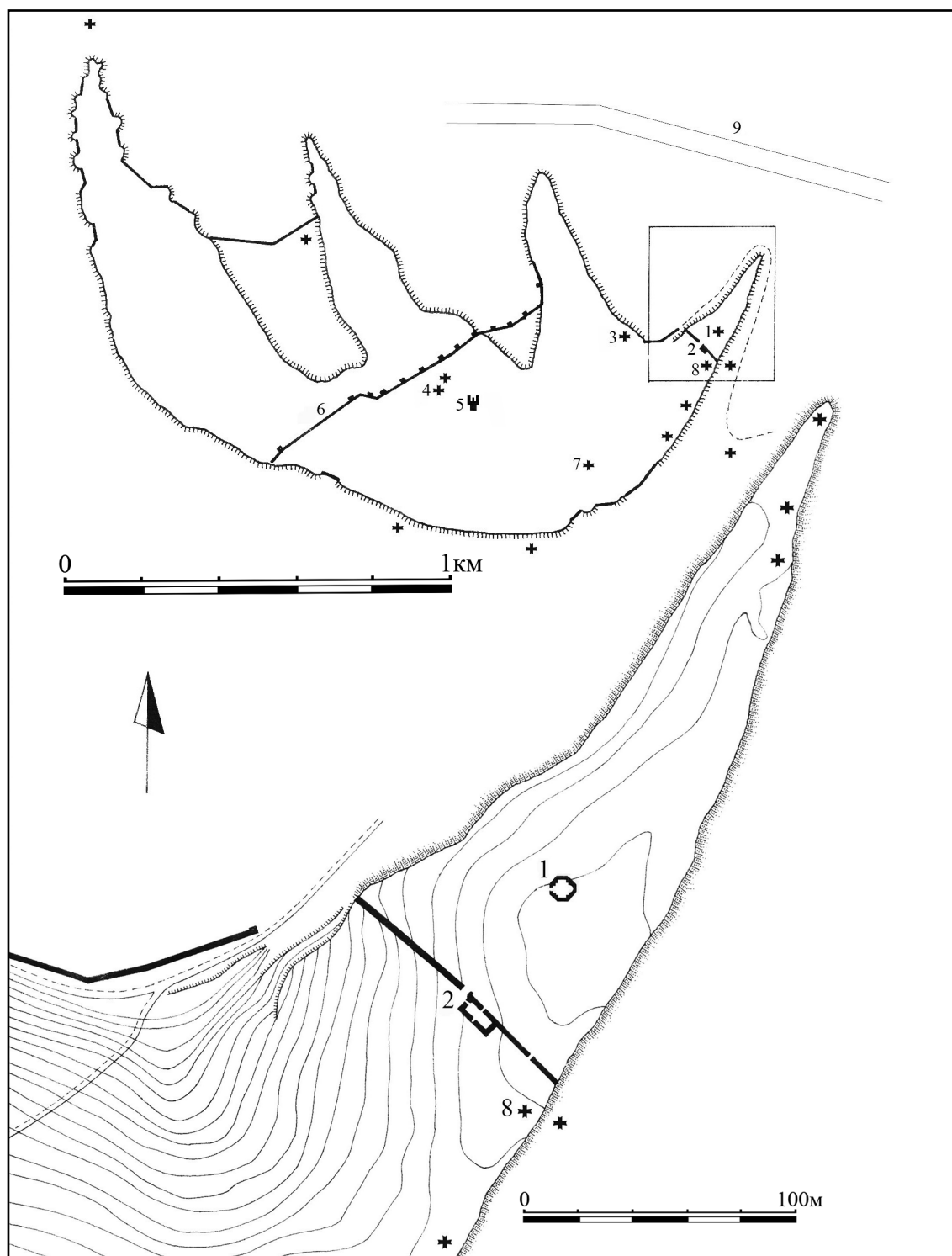

Рис. 1. Ситуационный план: 1 — октагональный храм; 2 — донжон цитадели; 3 — церковь св. Георгия; 4 — Большая базилика; 5 — дворец; 6 — ВЛО (вторая линия обороны); 7 — т. н. церковь Богородицы; 8 — храм VI в.; 9 — раннесредневековый ров.

В связи с подготовкой общего обзора истории средневековой архитектуры Крыма в 1958 г. к рассмотрению октагона обратился Ю. С. Асеев. Первоначально время возведения храма им было определено VIII—IX вв. (Асеев, Лебедев 1961: 16). Позже ученый предложил

новый вариант датировки: VI — нач. VII в., интерпретировал само здание как замковую капеллу (Асеев 1966: 509). О. И. Домбровский и О. А. Махнёва также считали церковь княжеской капеллой, но относили строение к VIII в. (Домбровский, Махнева 1973: 51).

Поскольку в VIII в. Мангуп еще не являлся центром княжества и в этот период ничего не известно о каких-либо князьях, В.Л. Мыщ предложил строительство октагональной церкви отнести к более позднему времени — XII—XIII вв. — и связать его с деятельностью первых князей из рода Гаврасов (Мыщ 1984: 58; 1990: 224). Другой исследователь — А.Г. Герцен, приняв в качестве точки отсчёта тот же VIII в., также высказался за «более позднюю дату», но соотносил её с XIV—XV вв., когда, по его мнению, в Крыму получили распространение мусульманские центрально-купольные постройки — мавзолеи (дюрбе) татарской знати, имеющие обычно в плане форму восьмигранника (Герцен 1990: 144). Особую позицию заняла Е.И. Лопушинская, исследовавшая памятник при разработке проекта реставрации цитадели. С учётом техники кладки стен октагон ею датирован X в. (Лопушинская 1996: 53).

Полный историографический обзор начального этапа изучения октагональной церкви Мангупа, а также все основные научные материалы, которые были получены в результате детального анализа архитектурных остатков храма, представлены в специальной статье, подготовленной и опубликованной мною совместно с В.Л. Мыщом (Кирилло, Мыщ 2001: 354—375)².

Выполненные нами исследования, в частности, позволили установить, что для выяснения даты возведения мангупской ротонды ключевыми факторами являются градостроительные аспекты церкви и некоторые особенности её архитектуры. В свое время, предпринимая попытку датировать октагон, А.Г. Герцен был весьма близок от решения проблемы, обратив внимание на такие важные особенности памятника как «планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная целостность и сохранность» (Герцен 1990: 144). Остаётся только сожалеть, что это наблюдение не получило у автора дальнейшего развития, ибо основные сооружения Тешклибурунского замка действительно образуют цельный и гармонично сложенный, практически единовременный, комплекс.

Так как для установления точной даты храма результаты археологических раскопок оказались недостаточными, первостепенное значение приобретает именно композицион-

ная связь с фортификационными строениями ансамбля, поскольку, несмотря на то, что самая высокая точка мыса (и к тому же наиболее оптимальная в градостроительном плане площадка под культовое здание) находится всего в 20 м к юго-востоку от октагона, определяющим фактором при выборе места для последнего, тем не менее, стала не она, но расположение главного входа в цитадель (рис. 1).

Церковь возведена на оси крепостных ворот замка, замыкая её и акцентируя направление движения вглубь территории. В плановой схеме цитадели четко прослеживается композиционное ядро в виде правильного равнобедренного треугольника, основой которого является оборонительная стена, а вершина отмечена октагональным храмом. Приблизительно в этой же точке находится и физический центр крепостного полигона замка.

Архитектоника церковного здания и его местоположение взаимообусловлены. При наличии кругового обзора лишь равнозначные фасады могли придать строению качества, необходимые для эффективной организации внутреннего пространства цитадели. Стройное же очертание силуэта здания и монументальность композиции, а при кажущейся миниатюрности реконструируемая высота сооружения составляла 15 м (рис. 4), превращали октагон в одну из основных доминант замка, по объёмам и значимости сопоставимой только с донжоном.

Занимаемое им место внутри Тешклибурунского укрепления было хорошо продуцируемым и выверенным. Позволяя одновременно видеть и фортификационные сооружения цитадели, под защитой которых храм находился, и наиболее доступную, закрытую крепостными стенами, северную линию обороны, оно, по сути, предельно точно отвечает градостроительной ситуации, представленной в надёжно датированном эпиграфическом источнике, предположительно, мангупского происхождения. Надпись, в которой речь, вероятнее всего, идет именно об октагоне, сообщает: «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, во дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и поморья и ктитора святых славных, боговенчаных, великих царей и равноапостольных Константина и Елены в месяце Октябре, индикта шестого, лета 6936» (Латышев 1896: 50—53).

Как оказалось, не менее ценные сведения можно почерпнуть из анализа самой плиты, на которую нанесена надпись. К сожалению, подобно многим другим эпиграфическим ис-

² Вне нашего внимания осталось лишь мнение Е. И. Лопушинской, которое было введено в научный оборот уже после того, как работа над статьёй по октагону в целом завершилась.

№6. 2010

точникам, она не избежала участи однобокого, в прямом и переносном смысле, подхода к изучению, возникающего обычно в тех случаях, когда исследователи, увлекаясь чтением текста, напрочь забывают о том, что находки такого рода являются не только носителями письменной информации, но в свое время они нередко наделялись также определенными утилитарными функциями.

Плита с надписью 1427 г. представляет собой архитрав, перекрывавший наружную (фасадную) часть проема (рис. 5). Ее размеры: 44,0×133,0×19,5 (17,0) см. Высота рельефа — 0,4 см. Материал — известняк. Плита имеет две лицевые поверхности — переднюю и нижнюю. Обе они еще при первичной обработке (до нанесения надписи) были тщательно выровнены и заглажены. Угол между ними составляет 86—91°. Видимо, в связи с этим во время установки заготовки на место нижняя грань вдоль внешнего края получила дополнительную подчистку зубаткой на ширину около 5 см, вследствие чего значение угла увеличилось до 93—95°. Ее пригонка велась, предположительно, уже с подмостей, чем и могла быть вызвана некоторая, явно вынужденная, небрежность, допущенная при корректировке ложка.

В нижней части изделия с тыльной стороны на расстоянии 14 см от переднего ребра выбран прямоугольный в сечении паз длиной 102 см. Его глубина — 7,0—7,7 см. Именно наличие этой выемки дает основание трактовать плиту как перемычку. В горизонтальной плоскости торцы пазы развернуты наружу (один из углов равен 107°, значение второго фиксации не поддается), что указывает на трапециевидность плана камеры проема. В трёх местах углубления, в углах и посередине имеются небрежно высеченные гнёзда неопределённой формы. Их размеры: 6,0×5,0×3,0 см, 7,0×5,0×1,3 см и 11,0×2,0×3,0 см.

Верхняя и боковые грани по всей поверхности околоты, их кромки вдоль внешнего края слегка подчищены и выровнены зубаткой. Угол между ними и лицевой плоскостью составляет около 95°. Идентичность характера обработки всех этих трех сторон исключает какую-либо вероятность утраты части плиты, на которой была изображена левая половина двуглавого орла, при эвентуальном вторичном использовании. Продолжение надписи, без сомнения, находилось на соседнем камне, что, учитывая незначительные размеры дополнения (всего 11 см), имело смысл лишь в том случае, если облицовка фасада была сплошной, а резьба выполнялась после установки плиты в кладку. Последнее косвенно подтверждает-

ся некоторыми особенностями композиции надписи, прежде всего, совпадением главных осей рельефа (но не перемычки) и проёма. Именно поэтому изображение орла, располагаясь симметрично по отношению к правой геральдической фигуре, частично оказалось за пределами архитравной плиты.

Возвращаясь к предпринятой нами идентификации храма надписи 1427 г. с октагоном, следует отметить, что выводы, полученные при изучении плиты, этому не противоречат. Представленный на планах Ф.А. Брауна (рис. 2) и А.Л. Бертье-Делагарда (Бертье-Делагард 1918: рис. 10), вход в здание соразмерен с проёмом, который в своё время перекрывался данным архитравом, а само оно было полностью сложено из хорошо обработанных блоков известняка.

В целом же, материалы изучения мангупского октагона дали нам основание предположить, что этот храм, архитектура которого генетически связана с армянским культовым зодчеством, был возведён в 1427 г. во имя свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви князей Феодоро.

Идея подобного отождествления памятника сама по себе не нова, на что мы особо и не претендуем (Кирилко, Мыц 2001: 355, 367—368, 370). 30 января 1914 г. на заседании Таврической Учёной Архивной Комиссии Р.Х. Лёпер, сообщая о своих раскопках на Мангупе в 1913 г., отметил: «Расчищена и маленькая восьмигранная церковь, быть может та, которая построена была в честь свв. Константина и Елены, но ничего важного эта раскопка не дала» (Протоколы 1914: 299). Ещё раньше, в первой трети XIX в., другой исследователь — Ф. Дюбуа де Монпере попытался соотнести октагональный храм с именем св. Константина: «Я предположил, что это одна из двух церквей, описанных Броневским» (Дюбуа де Монпере 2009: 255). Дату плиты, правда, немного в ином контексте, в своё время применил также Ф.К. Брун, предположив, что «замок, построенный князем Алексеем в Феодоро в 1427 г., был тот самый, который полтора столетия спустя очевидец Брониовий застал еще на Мангупе» (Брун 1880: 235). В этой связи первостепенное значение приобретает не столько сама гипотеза, но, прежде всего, фактологический материал, позволивший исследователю сделать и обосновать свой вывод. Показательным примером тому является новая, весьма долгожданная (Мыц 2009: 130, прим. 57), работа по октагону, выполненная А.Г. Герценом и В.Е. Науменко после проведения собственных раскопок храма (Герцен, Науменко 2009б: 423—266). Предпринятая

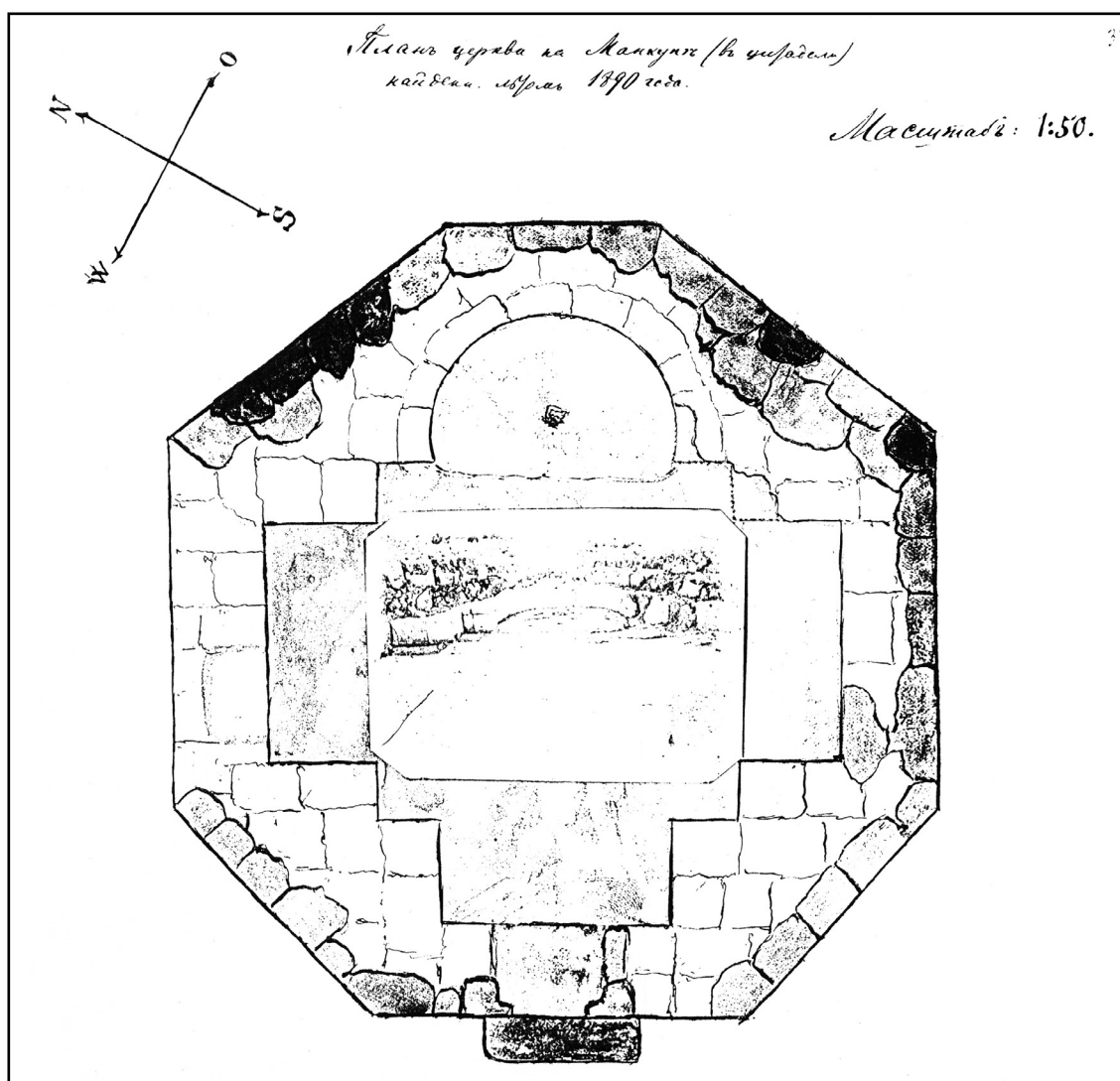

Рис. 2. План октагонального храма (по Ф. А. Брауну).

ими при этом несколько предвзятая ревизия нашего исследования, обуславливает необходимость детальнее рассмотреть в настоящей публикации как наиболее существенные претензии авторов, так и, пожалуй, отдельные аспекты истории изучения памятника, имеющие к ним непосредственное отношение.

Разработка данной темы мной начата ещё в середине 80-х годов прошлого века в рамках подготовки диссертации «Архитектура средневекового Мангупа (VI—XVIII вв.)», первые результаты которой в виде совместного с В. Л. Мыцом доклада под названием «Октагональный храм Мангупа» были заявлены для участия в Пигулёвских чтениях 1987 г. (Хроника 1990: 137) — за три года до того, как «в 1990 г. к изучению памятника обратился А. Г. Герцен» (Герцен, Науменко 2009б: 431). Полностью наше исследование было завершено весной 1997 г. Пока готовая статья томилась в редакционных порт-

фелях нескольких издательств — сначала «Археологии Крыма» (1997, № 4), затем АДСВ (2001, вып. 32), в 1997—1999 г. экспедицией во главе с А. Г. Герценом были проведены раскопки территории внутри и вокруг октагонального храма Мангупа. Насколько их результаты могли повлиять либо повлияли на предложенные нами дату и идентификацию строения, весьма красноречиво свидетельствуют введённые в научный оборот материалы, появившиеся по завершению археологических исследований.

Одновременно с нашей публикацией, там же, издана статья А. Г. Герцена, в которой он, комментируя «Сказание Матфея о городе Феодоро», уделит определенное внимание октагональному храму Мангупа. Подвигло его на это упоминание монахом круглых церквей (стронгула), хотя и явно озадачило, поставив перед необходимостью сделать выбор — между соблазном отождествить одну

Рис. 3. Руины октагонального храма. Общий вид с северо-запада. Фото 1926 г.

из них с октагоном, датируемым им второй половиной XIV — серединой XV вв., и предположением о том, «что в городе был еще один храм (храмы) подобной оригинальной для Крыма конструкции, более ранний, чем тешклибурунский». Возникновение дилеммы обусловлено отсутствием достоверных сведений о точной дате возведения октагонального храма и его строительной истории, убедительным свидетельством чему служат две посылки автора: «Пока нет доказательств того, что октагон в цитадели имеет два строительных периода» и «Менее вероятно, что последний (октагон — В.К.) уже существовал в конце XIV в., хотя надо признать, что пока нет и достаточных оснований чтобы полностью отбросить такую возможность». Как результат «в свете имеющихся данных» появляется вывод о том, что строительство октагонального храма Мангупа «следует отнести ко времени князя Алексея, когда сложился современный архитектурно-планировочный облик цитадели» (выделено мной — В.К.), исходя из чего, А.Г. Герцен задается вопросом: «Не он ли подразумевается в надписи 1427 г., если принять версию о ее мангупском происхождении (выделено мной — В.К.)?» (Герцен 2001б: 273). Увы, но А.Г. Герцен, ранее считавший строительную надпись 1427 г. инкерманской (Герцен 1990: 145), явно сомневается в том, что плита могла иметь ман-

гупское происхождение.³ Более того, судя по примечанию к обозначенному недоумению, сам он, несмотря на результаты раскопок 1997—1998 гг., которыми его экспедиции «пришлось завершить исследование территории вокруг памятника», не готов к ответу, ибо утверждает: «Для решения этой проблемы необходимо продолжить исследования пространства вокруг октагона, а также тщательно проанализировать имеющиеся материалы (выделено мной — В.К.), отражающие градостроительную историю цитадели в целом» (Герцен 2001б: 273).

Одновременно с этой статьёй, опубликованной «в авторитетном византиноведческом издании», в научно-популярном виде А.Г. Герценом была предложена более пространная версия своего видения иденти-

³ В этом плане весьма показательна его нынешняя (не давняя), причем достаточно взвешенная, позиция: «К сожалению, вопрос о месте первоначального нахождения надписи пока не может быть решен окончательно (выделено мной — В.К.) без новых документов, касающихся обстоятельств ее поступления» (Герцен 2008: 245). Но поскольку в появившейся затем, на следующий год, публикации материалов раскопок октагонального храма А.Г. Герцен уже апеллирует к «известной мангупской надписи 1427 г.» (Герцен, Науменко 2009: 432), возникает закономерный вопрос: «Неужели, наконец-то, найдены те самые, выше упомянутые, новые документы?»

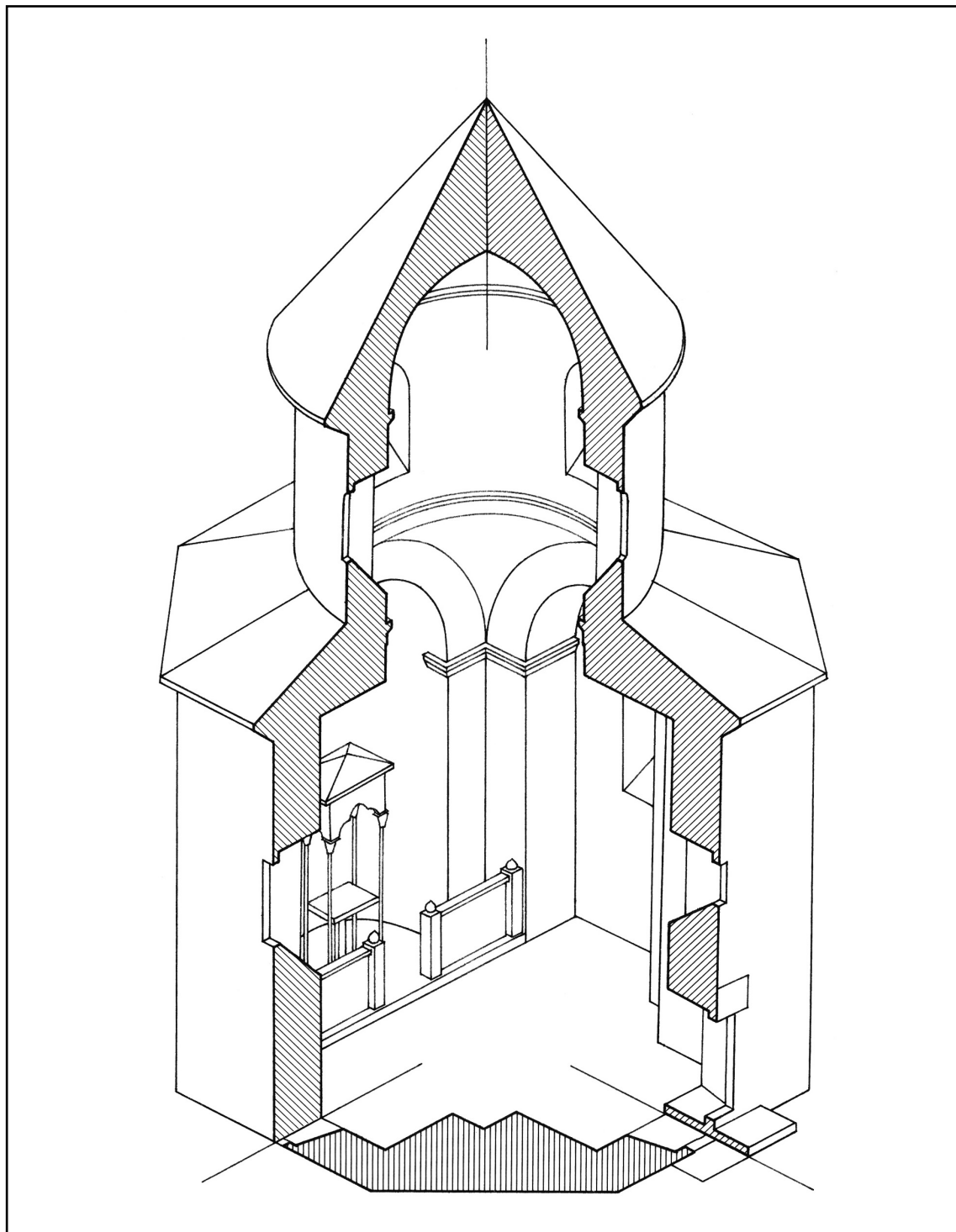

Рис. 4. Реконструкция октагонального храма. Аксонометрический разрез.

кации и датировки октагонального храма Мангула, предельно адаптированная для его восприятия широким кругом читателей — т. е. без конкретных ссылок и чётких обоснований: «Это уникальное для Крыма здание, являлось, вероятно, княжеской церковью. Исследования памятника, проведенные в последние годы, дали основание заключить, что возведена она была в период реконструкции цитадели

в правление князя Алексея» (Герцен 2001а: 36—38). В контексте он предпринял попытку соотнести содержание строительной надписи 1427 г., которое, по его мнению, «максимально соответствует ситуации рисуемой археологическими материалами», со свидетельствами Мартина Броневского (1578 г.) и Эвлии Челеби (1666 г.) о том, «что над воротами цитадели была вделана греческая надпись,

№6. 2010

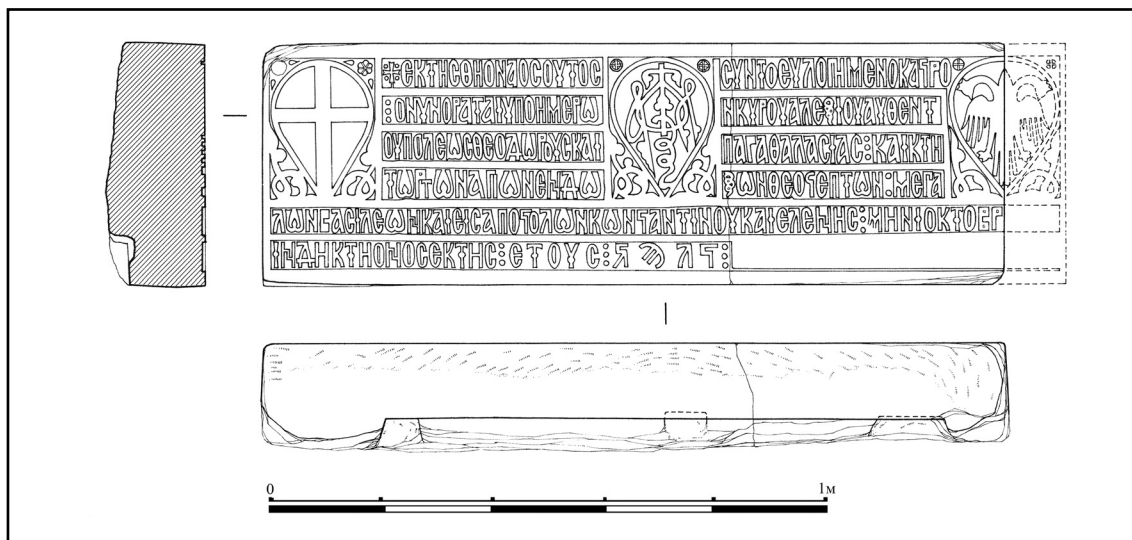

Рис. 5. Архитравная плита с надписью 1427 г. Передний и нижний виды, поперечный разрез.

содержавшее указание на время сооружения внутренней крепости города». Далее следует вывод: «Легко представить, как человек оказавшийся перед открытыми воротами цитадели видел сквозь них храм, по своим габаритам хорошо вписывавшийся в контур воротного проема. Подняв голову, он из содержания надписи узнавал о том, кто и когда был строителем, а точнее, преобразователем, величественного кремля столицы феодоритов, органично вписанного в его архитектурный ансамбль храма. Он был освящен во имя причисленных к лику святых императора Константина I, при котором христианство в Римской империи из преследуемой веры получило равные права с другими религиями, и его матери Елены, согласно преданию, совершившей паломничество в Святую Землю и обретшую на Голгофе крест, на котором был распят Спаситель» (Герцен 2001а: 36—38).

Любопытно то, что в обновлённом недавно издании брошюры этот пассаж и версия о связи надписи 1427 г. с воротами цитадели полностью исчезают. Основная информация о времени строительства и идентификации октагональной церкви теперь ограничивается вводной цитатой, которая в свою очередь претерпела определенные метаморфозы. Изменения незначительные, но существенные: в первой фразе наречие «вероятно» уступило место словосочетанию «скорее всего», а второе предложение сократилось вдвое и приобрело качество аксиомы — «Возведена она была в период реконструкции цитадели в правление князя Алексея». При этом на план-схеме Мангупа в аннотации к условным обозначениям конкретно 1425 г. А.Г. Герценом датирован только княжеский дворец Алексея,

руины октагона отнесены к началу XV в., а церковь «Богородицы» представлена как «предполагаемый храм св. Константина (выделено мной — В.К.)», что отражено также в основном тексте (Герцен 2007: 32, 34, 49).

Последнее немаловажно, ибо ещё в первой, самиздатовской, публикации брошюры наряду с попыткой связать между собой храм (свв. Константина и Елены) надписи 1427 г., якобы находившейся в свое время над крепостными воротами цитадели, и октагон, А. Г. Герцен счёл также возможным соотнести с именем св. Константина другую мангупскую церковь — более известную как церковь «Богородицы» (Герцен 2001а: 42, 45, 49).

Год 2005. В докладе на Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» А.Г. Герцен объявил: «Церковь св. Константина может быть отождествлена с находящейся в верховьях ущелья Гамам-Дере, на окраине городского квартала, так называемой «церковью Богородицы». Попутно исследователь отметил и по поводу октагонального храма: «По нашему мнению, с плитой над воротами цитадели можно идентифицировать так называемую инкерманскую надпись, находившуюся в конце XVIII в. в имении Саблы (совр. Партизанское). Надпись сообщает о строительстве в 1427 г., в правление князя Алексея, храма вместе с крепостью. По смыслу ее содержания она вполне могла бы находиться над воротами цитадели (выделено мной — В.К.), через которые просматривался октагональный храм, возведенный, по данным наших археологических исследований, в первой половине XV в., одновременно с основательной реконструкцией

цитадели, “верхнего замка”, по Броневскому» (Герцен 2006: 32—33, 34—35).

Первое из двух упомянутых положений вскоре после публичного представления получило в печатном виде развёрнутую трактовку с реальными очертаниями и вполне приемлемой аргументацией. По крайней мере, сопоставление сведений М. Броневского и материалов, полученных при археологическом изучении данного объекта, пока особых возражений не вызывает (Герцен и др. 2007: 236—238).

Второе положение, наоборот, с оглашением на конференции неожиданно перестает фигурировать в дальнейших публикациях. То ли кто подсказал, то ли А.Г. Герцен сам понял, но, несмотря на кажущуюся обоснованность вывода и эффектность идеи, его гипотеза является ошибочной. Плита с надписью 1427 г. не могла находиться над воротами цитадели по ряду причин.

Во-первых, в надписи крепость упоминается исключительно в качестве дополнения к приоритетному по сути сообщению о возведении храма.

Во-вторых, расположение мемориальной плиты с таким текстом над входом в цитадель могло иметь смысл только при открытых воротах, в противном случае, при её чтении неизбежно возник бы естественный вопрос — о каком таком храме идет речь.

В-третьих, плита с надписью 1427 г. является архитравом, перекрывавшим проём, просвет которого не соразмерим с пролётом ворот цитадели.

В-четвертых, данная плита принадлежала строению, которое полностью было сложено из крупного тесаного камня.

В-пятых, мемориальная плита 1427 г. не может быть отождествлена с надписью крепостных ворот, которую видели М. Броневский⁴ и Э. Челеби⁵, ибо эта часть цитадели в настоящем виде появилась лишь на рубеже 50—60 гг. XV в. (Кирилло 2005: 226, 229).

Знаменательным событием в историографии восьмигранной церкви Мангупа стало введение в научный оборот основных результатов археологического исследования памятника в 1997—1999 гг., которое позволило А.Г. Герцену конкретизировать гипотезу о времени строительства октагона: «На сегодняшний день, его дата соотносится с периодом

реконструкции цитадели князем Алексеем в 20—30-х гг. XV в., когда окончательно сложился архитектурно-планировочный облик акрополя городища. Выбор места для церкви был подчинен общей композиции ансамбля цитадели — она расположена точно на оси от ворот к оконечности мыса. **Есть все основания** (выделено мной — В.К.) связывать памятник с храмом, упомянутым в известной мангупской надписи 1427 г., из которой следует, что он был освящен во имя императора Константина Великого и его матери Елены, совершившей в начале IV в. паломничество в Святую Землю и обретшую на Голгофе крест, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос» (Герцен, Науменко 2009б: 432).

В чём именно состоят обозначенные «все основания», статья А.Г. Герцена и В. Е. Науменко ответа не дает. Историографический обзор, предварявший данную концепцию, позволяет получить представление только о первоначальном облике гипотезы: «С учетом планировочной привязанности октагональной церкви к цитадели появилась возможность высказать гипотезу о синхронности появления обоих памятников. В качестве дополнительного аргумента для новой даты октагона были приведены распространенные в горной части Таврики октагональные в плане мавзолеи (дюрбе) золотоордынской и крымско-татарской знати, форма которых могла быть заимствована при возведении капеллы мангупских правителей, получив иную смысловую нагрузку» (Герцен, Науменко 2009б: 431—432).

Судя по ссылке, данная формулировка является немного видоизмененной версией гипотезы, опубликованной А.Г. Герценом в 1990 г.: «Это уникальное для христианской архитектуры Крыма сооружение обычно датируют VIII в. Однако планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная цельность и сохранность этого памятника могут быть указанием на более позднюю дату. В Крыму в XIV—XV вв. получили распространение центрально-купольные постройки — мавзолеи (дюрбе) татарской знати, имеющие обычно в плане форму восьмигранника. Не исключено, что этот «типовый проект» по заказу правителя Мангупа мог быть приспособлен под христианский храм. Этому предположению соответствуют многочисленные малоазийские по характеру детали декора донжона цитадели, дворца князя Алексея и большой базилики, хронологически и стилистически сочетающихся с мавзолеями этого типа. В дальнейшем необходимо провести всесторонний

⁴ «...есть ворота, испещренные греческими надписями...» (Описание Крыма 1867: 343).

⁵ «Над воротами этой внутренней крепости есть тарих её построения, начертанный письмом гунузских неверных» (Эвлия Челеби 2008: 76).

№6. 2010

архитектурный анализ октогонального храма в цитадели для окончательного решения о его дате и для культурно-исторической интерпретации» (Герцен 1990: 144).

Ни в одной из представленных версий исходного варианта гипотезы плита с надписью 1427 г. не упоминается. Но в этом нет ничего удивительного, поскольку саму её А. Г. Герцен тогда считал инкерманской и, как следствие, не пытался привлечь данный эпиграфический источник даже для датировки оборонительных сооружений Мангупа — основного предмета своих исследований (Герцен 1990: 145—146).

Не проясняют ситуацию с появлением идеи и основные выводы совместной публикации А. Г. Герцена и В. Е. Науменко: «Нужно сказать, что именно результаты археологических исследований октагона 1997—1999 гг. позволили окончательно сформулировать изложенную выше гипотезу об отождествлении октагона с храмом св. Константина и Елены из мангупской надписи 1427 г.» (Герцен, Науменко 2009б: 450). Каким образом это произошло, авторы не комментируют, а введенные ими в научный оборот материалы раскопок конкретного ответа не дают.

Зато незамедлительно последовал обличительный приговор относительно нашей публикации: «В ней авторы, члены Полевого комитета КФИА, хорошо осведомленные о наших раскопках и имевшие непосредственный доступ к материалам этих исследований, констатируют, что “это храм, архитектура которого генетически связана с армянским культовым зодчеством, был возведен в 1427 г. во имя свв. Константина и Елены в качестве замковой церкви князей Феодоро”, что, как видим, практически полностью, за исключением армянской версии происхождения памятника, повторяет изложенную выше гипотезу А. Г. Герцена» (Герцен, Науменко 2009б: 443).

Претензия является немного странной, ибо **повторить можно лишь то, что предшествует по времени**. Само же обвинение настолько голословное, что оправдываться особого смысла нет⁶. Более того, в своё вре-

мя, чтобы исключить впоследствии какие-либо подобные инсинуации по этому поводу, мне (кстати, единственному из двух авторов статьи, кто является членом Полевого комитета) пришлось прекратить рецензирование отчётов по Мангупу, а также отказаться от посещения памятника на весь тот период, когда там велись раскопки октагона. Увы, не помогло. Впрочем, даже если бы мы и предприняли инкриминируемое нам незаконное использование отчётов о раскопках, то, как показало время и **нынешнее** ознакомление с их содержанием, почерпнуть по обозначенной проблеме там нечего.

Итак, какой же научный эксклюзив, связанный с датировкой и идентификацией октагонального храма, таят в себе отчёты А. Г. Герцена о раскопках памятника за 1997—1999 гг.:

«Раскопки 1997 г. на участке между воротами в северо-западной куртине цитадели и октагоном дали разнообразный археологический и архитектурный материал, отражающий основные этапы жизни участка поселения на мысе Тешкли-Бурун. Территория его была освоена человеком по крайней мере с медно-бронзового века, однако, обнаруженные строительные остатки относятся к средневековой эпохе. Наиболее ранние из них — следы винодельческого комплекса, существовавшего, вероятно, здесь до формирования цитадели. При подготовке площадки

особенностям моего характера, как-то упрямство, чего мне не занимать (да я и Телец к тому же), В. Л. наконец созрел. Теперь, подобно Бойлю-Мариотту, наши мнения как соавторов не расходятся и мы, т. е. как одно лицо, относим строение к началу XV в., при этом не исключая вероятности того, что плита 1427 г. раньше принадлежала октогону! В связи с этим и возник мой интерес к “Описанию города Феодоро”, поскольку там упоминается круглый храм стронгула в ст. 47 (октогон?). Валера, как ты считаешь, в поэме действительно два пласта повествования или это только мое благое желание. Кстати, что по этому поводу думает Ханс? Вопрос далеко не празден (Матвей не мог одновременно лицезреть красоты и разруху Феодоро), потому, что перевод Байера даже в тезисном виде явно отличается от перевода Меркати, изложенного Васильевым. А мне теперь из-за легкомыслия А. Г. приходится сокрушаться, что если Ханс издаст его за границей, а издавать нужно обязательно и где угодно, теперь придется ломать голову, как его переводить с немецкого или другого языка. Статья по октогону настоятельно требует публикации еще и потому, что не дай Бог, А. Г. в этом году начнет раскапывать его остатки, потом неприятностей не оберешься за посягательство. Хотя ходят упорные слухи, будто бы он решил возобновить раскопки дворца, что еще хуже. Культурные слои базилики уже уничтожили, неужели теперь его (еще одного источника) черед. Зато потом о Мангупе можно будет писать все, что угодно. Как не кстати сейчас эта диссертация!»

⁶ Я слишком хорошо воспитан, чтобы позволить себе подобный проступок. Но неизбежность появления такого рода обвинений допускал, что отчасти нашло отражение в одном из моих майских писем 1997 г. к издателю. Рано или поздно наше эпистолярное наследие станет полноценным научным источником, пока ограничусь лишь цитатой: «Больших литературных планов на этот год не строю. Только написание диссертации, хотя и не очень хочется, да завершение плановых статей. Видимо, настал час и “Октогонального храма Мангупа”. Благодаря отдельным качествам и национальным

для строительства храма, место для которого было выбрано в центральной части мыса, на зрительной оси, проходящей через главные ворота, с учетом возможности наилучшего его обзора, проводилась нивелировка скальной поверхности, приведшее к уничтожению находившихся здесь давящих площадок, но сохранились их суслоприемники. На расширенном месте был возведен октагональный храм, а вокруг него начали расти постройки, пока еще неясного назначения. Вероятно, этот комплекс продолжал некоторое время функционировать и после захвата города турками. Уточнение назначения его зданий, их планировки и абсолютной хронологии возможно при расширении участка исследований. Это в полной мере касается и октагона, история которого может быть реконструирована только при сопоставлении с другими комплексами цитадели и исходя из общей стратиграфической ситуации в данном районе мыса Тешклибурун» (Герцен 1998: 40).

«Раскопки предшествующего года показали, что храм был сооружен в более позднее время, нежели обычно указывавшееся в литературе. Несмотря на то, что напластования в пределах храма и в непосредственной близости от него были сняты нашими предшественниками (Ф. А. Браун, Р. Х. Лепер), исследования стратиграфической ситуации на участке в целом показали, что **время сооружения октагона может быть определено второй половиной XIV — первой половиной XV вв.** (выделено мной — В. К.) Эта дата может быть сужена при специальном архитектурно-археологическом анализе памятника в общем контексте истории поселения, но эта задача выходит за рамки данного отчета» (Герцен 1999: 5).

«Получены материалы для датировки октагонального храма, **исходя из них** (выделено мной — В. К.), наиболее вероятным временем его сооружения и функционирования может считаться **вторая половина XIV—XV вв.**» (Герцен 1999: 13).

«На основании полученного археологического материала можно определенно говорить, что **возведение октагонального храма и перестройка участка жилой застройки, примыкающего к нему, датируется в пределах 1-й половины XV в.** (выделено мной — В. К.)» (Герцен 2000: 14).

Создается впечатление, что, обвиняя нас в посягательстве на информацию из отчетов, сам А. Г. Герцен своих отчетов никогда не читал, благо есть кому их писать. По крайней мере, ни в одном из них ни строительная надпись 1427 г., ни идентификация октагональной

церкви Мангупа как храма свв. Константина и Елены, ни определение времени возведения октагона 1427 г. и соотнесение его со строительной деятельностью аутента Алексея даже не упоминаются — ни словом, ни полусловом, ни в виде намёка.

Высказывались ли устно подобные версии А. Г. Герценом и В. Е. Науменко, также сомнительно, поскольку они нигде и никак не отражены — ни в публикациях, ни в протоколах заседаний Полевого комитета.

Рискуя быть обвинённым в предвзятости, вынужден констатировать и то, что ни в одной из своих работ А. Г. Герцен даже на йоту не приблизился к предложенной нами интерпретации плиты с надписью 1427 г.

Более того, превращение им «церкви Богородицы» в храм св. Константина создало коллизию, существенно озадачившую исследователей исторической топографии Мангупа: «Осталось непонятным, церковь Св. Константина из сообщения Мартина Броневского и церковь Свв. Константина и Елены мангупской надписи 1427 г. — это одна и та же постройка или разные? Если это одно здание, то свидетельство Мартина Броневского относится к октагональному храму на территории цитадели, обращенному в мечеть, но украшенному греческой строительной надписью. Если это разные постройки, то получается, что в феодоритский период в городе были две церкви — Свв. Константина и Елены и Св. Константина» (Бочаров 2008: 207). Поскольку ни в одной из публикаций А. Г. Герцена и его соавторов ответа на этот вопрос нет, позволю себе, вновь рискуя вызвать негодование оппонентов, обозначить свою точку зрения. Безусловно, о синхронном существовании практически рядом двух церквей (замковой и квартальной) с одинаковым и столь редким посвящением речи быть не может. Вероятнее всего, «храм Богородицы» был переименован в честь св. Константина позднее, после превращения октагона в мечеть.

Наше исследование октагонального храма Мангупа А. Г. Герцен и В. Е. Науменко отметили положительно только в нескольких номинациях — «довольно полный обзор истории изучения памятника, подробное описание плиты с надписью 1427 г., а также ряд ценных наблюдений в отношении интерьера храма, сделанных по плану Ф. А. Брауна» (Герцен, Науменко 2009б: 433). В одной из них они преуспели и сами, разнообразив историографический обзор новыми, порой шокирующими, деталями. В частности, совершенно неожиданно, особенно для меня, оказалось, что вплоть до начала их раскопок не только

В.Л. Мыц, но и я придерживался «совершенно иных представлений о дате памятника» (Герцен, Науменко 2009б: 433). Авторы сенсации сообщают: «Итог “архивному” этапу изучения памятника (30—80-е гг. XX в.), когда исследователи пытались недостаток источников компенсировать общеисторическими соображениями об его происхождении и месте в истории городища, подводит В.П. Кирилко в статье, посвященной византийской архитектуре Мангупа. Несмотря на звучное название работы, автор не уделяет анализу октагональной церкви в тексте ни единой строчки (выделено мной — В.К.). Октагон присутствует лишь на схематичном плане Мангупского плато, в условных обозначениях к которому приводится его дата — VI в.» (Герцен, Науменко 2009б: 431). То, что в моей статье ни слова не сказано об октагональном храме, вполне естественно, ибо он принадлежит к поствизантийскому этапу архитектуры Мангупа, который в данной работе не рассматривается. Что касается объекта (согласно аннотации к иллюстрации — «Храм VI в.»), представленного на ситуационном плане, то, на самом деле, на чертеже предельно точно отмечено местоположение остатков церковного здания у обрыва плато, раскопанного в своё время группой исследователей во главе с Е.В. Веймарном (Кирилко 1997: 89, 94, 96, рис. 1: 1; 2: 1). Разумеется, никакого отношения к октагону он также не имеет (рис. 1: 8). Воистину, искать чёрную кошку в тёмной комнате, тем более, когда её там нет, — занятие крайне бессмысленное и неблагодарное.

Столь же неожиданно для себя я узнал, что исповедую «армянскую версию происхождения местной династии» (Герцен, Науменко 2009б: 436), тогда как, хотя и пытаюсь выявить «редкие свидетельства армянского культурного присутствия на территории Феодоро» (Кирилко, Мыц 2001: 365), но являюсь всё-таки сторонником идеи «эвентуальной генетической связи мангупских князей с черкесами Таврики» (Кирилко 1999: 140) и существования «двух ветвей рода — греческой и адыгской» (Кирилко 2005: 229).

Изумление и недоумение вызывает утверждение А.Г. Герцена и В.Н. Науменко, согласно которому в результате возобновления ими в 1997 г. раскопок территории вокруг октагона «памятник постепенно стал **полноценным** (выделено мной — В.К.) археологическим источником» (Герцен, Науменко 2009б: 432). Вряд ли позволительно его считать таковым, если учесть, что изучался объект, утративший культурный слой не только внутри строения, но и снаружи, вдоль всех стен, на значитель-

ную ширину — 2—3,5 м. Более последовательными авторы выглядят, реально представляя информационный потенциал памятника в своём отчёте: «Особо следует подчеркнуть, что **ряд существенных деталей, связанных с устройством храма, был подмечен даже не в процессе раскопок, а по мере тщательных архитектурных обмеров после общей зачистки** (выделено мной — В.К.), проводившихся под руководством Л.П. Щусь. Это как раз тот важнейший этап исследований, который не удалось в должной мере по разным причинам провести нашим предшественникам» (Герцен 1998: 10). Иначе не могло и быть, ибо после раскопок Ф.А. Брауна и Р.Х. Лёпера октагональный храм Мангупа волей-неволей превратился в архитектурный источник.

Бесспорной удачей А.Г. Герцена и В.Е. Науменко является обнаружение ими перед входом в октагон остатков неизвестного нам сооружения. Самими исследователями оно уверенно трактуется как нартекс (Герцен, Науменко 2009б: 440—441, рис. 6), что представляется маловероятным. Судя по подрубкам поверхности основания и архитектонике строения, данная часть храма имела вид четырехстолпного портика и могла использоваться в качестве паперти либо колокольни.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить А.Г. Герцена и В.Е. Науменко за высокую оценку качества наших исследований, которой, правда, ими придана несколько изысканная и хорошо завуалированная форма⁷. Итак,

⁷ Сама оценка имеет следующий вид: «Наконец, нуждается в комментарии предположение В.Л. Мыца и В.П. Кирилко относительно принадлежности октагону ряда архитектурных деталей из кладки донжона цитадели. Они полагают, что из храма происходит “архитравная плита окна, на лицевой стороне которой в низком плоском рельефе вырезано поле тимпана с крестом мальтийского типа. Фрагмент этой перемычки при ремонте донжона цитадели турками и превращения окон третьего этажа в ружейные бойницы был использован в качестве перекрытия крайнего (юго-восточного) отверстия. Реконструируемая ширина проема в свету составляет 30—32 см. Толщина четверти — 12 см. Высота рельефа 0,3—0,9 см”. Данная пространная цитата необходима для того, чтобы дать представление о точности наблюдений авторов над архитектурно-декоративными особенностями деталей в кладке донжона. Действительно, наличник перекрытия указанного юго-восточного окна третьего этажа имеет декоративный элемент в виде креста с расширяющимися концами. На фотографии хорошо видно, что крест вырезан на высоком круглом медальоне в центральной части наличника. Однако, сравнивая фотоизображение архитектурной детали с чертежом в статье, становится ясным их полное несоответствие. К тому же, для нас представляются невероятными приведенные размеры наличника, с точностью до нескольких сантиметров, что невозможно без натур-

как всё же нам удалось выполнить точный обмер фрагмента архитектурной детали, использованной вторично в качестве перемычки проема ружейной бойницы османского времени на третьем этаже донжона (рис. 6—8) (Кирилло, Мыц 2001: 373, рис. 8)? Будучи обладателем значка «Алпинист НРБ» (квалификационное удостоверение № 223) и имея опыт изучения недоступных с земли сооружений (рис. 9), вершину, четко обозначенную на фотографии мнительными коллегами (Герцен, Науменко 2009б: рис. 13: 1), я смог бы покорить без затруднений. Но в штурме фасада нет необходимости, ибо данное окно доступно изнутри донжона — с площадки дверного проема, который ведёт на крепостную стену. Остаётся удивляться, почему этот любопытный образец каменной пластики прежде (до нашей публикации) не был замечен работающими на памятнике исследователями, которые до сих пор позволяют себе утверждать, что «эта деталь не имеет отношения к Мангупу» (Герцен, Науменко 2009б: 438)⁸.

ных обмеров, на высоте, с применением специального снаряжения. Однако, в таком случае фасовое и профильное изображения имели бы иной вид, близкий фотографии. Очевидно, что в данном случае мы вновь имеем дело либо с фантазией на архитектурную тему, либо эта деталь не имеет отношения к Мангупу» (Герцен, Науменко 2009б: 437—438).

⁸ Предпринятая ими при этом, в качестве альтернативы, попытка уличить нас в другом грехе — с рецидивом («в данном случае мы вновь имеем дело либо с фантазией на архитектурную тему, либо...»), по меньшей мере, вызывает смех. Кто бы говорил? Большого выдумщика, чем сам А. Г. Герцен, сыскать трудно. Чего только стоят введённые им в научный оборот феодоритские крепостные стены без зубцов (Кирилло 2001: 288—290) или паперть Большой мангупской базилики размером с хорошую площадь (Кирилло 2005б: 262). Не менее преуспел А. Г. Герцен и как мастер различного рода архитектурных головоломок. За примерами далеко ходить не надо. Составленное при его участии описание октагона представляет настоящую путаницу, в которой, не зная памятник, разобраться практически невозможно (Герцен, Науменко 2009б: 439—443). В частности, когда исследователь говорит: «Переход между ними (ветвями креста — В. К.) оформлен в виде ломаной под прямым углом линии с длиной стороны около 0,6 м. Возможно, эти проемы (выделено мной — В. К.) предназначались для квадратных в плане столбов (? — В. К.) под подпружные арки свода церкви», надо понимать угловые участки подкупольного пространства, а «каменные выступы-пилоны» в его интерпретации являются не чем иным, как остатками кладки передней стены здания у входа, который почему-то при этом превратился в «световой проем церкви». Имеются также проблемы с применением специальных терминов. Называть восьмигранную форму храма внешним контуром плана наоса, всё алтарное пространство вимой, трёхслойную двухлицевую кладку стен «двуслойной двупанцирной», а столпы квадратными колоннами несколько непрофессионально.

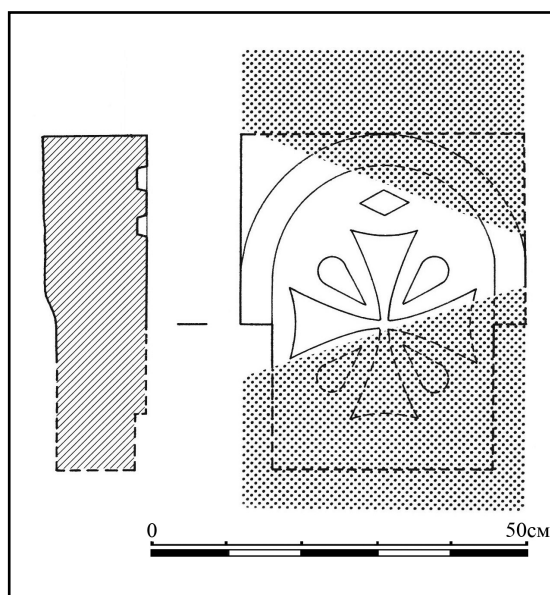

Рис. 6. Лицевая перемычка оконного проема, вторично использованная для перекрытия ружейной бойницы. Обмер и реконструкция. Пунктирной сеткой обозначено горизонтальное сечение бойницы.

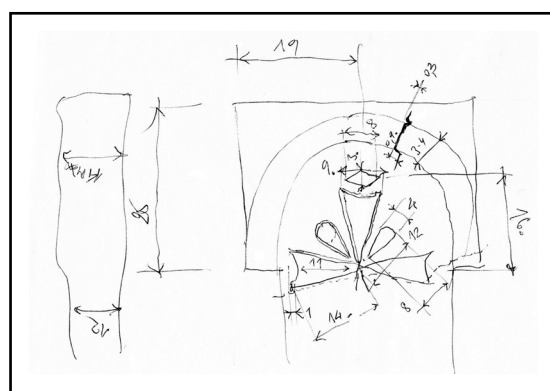

Рис. 7. Лицевая перемычка оконного проема, вторично использованная для перекрытия ружейной бойницы. Кроти.

Сполна досталось от А. Г. Герцена и В. Е. Науменко также нашей графической реконструкции октагонального храма (рис. 4), хотя взамен ими не предложено ничего конкретного. Как следствие, по меньшей мере странным выглядит их недоумение по поводу использования нами в своей работе польского издания «Книги путешествий», из-за чего мы якобы «постарались не заметить противоречия, которое следует из описания 1666 г. Эвлии Челеби, единственного автора, видевшего храм целым» (Герцен, Науменко 2009б: 436). Во-первых, во время написания статьи особого выбора у нас не было, если, конечно, не считать достойной альтернативой публикацию русскоязычной версии польского перевода (Книга путешествия 1996: 89), но по-

№6. 2010

Рис. 8. Лицевая перемычка оконного проема, вторично использованная для перекрытия ружейной бойницы. Общий вид снизу.

добное сродни игре в испорченный телефон. Во-вторых, оба варианта свидетельства турецкого путешественника — «okrom meczetu z kamienną kopułą, przebudowanego z kościoła» польского издания (Księga podróży 1969: 261) и «только одна мечеть с каменным куполом, переделанная из церкви» новейшего перевода османского источника на русский язык (Эвлия Челеби 2008: 76) — абсолютно идентичны по смыслу и содержанию. Поскольку одновременно с нами аналогичной критике подверглись также реконструкции перекрытия октагона, предложенные в своё время А. Л. Бертье-Делагардом и Ю. С. Асеевым (Герцен, Науменко 2009б: 427, 430, прим. 24), создается впечатление, что А. Г. Герцен и В. Е. Науменко просто не имеют представления о том, что такое купол и как обычно завершались церковные постройки с подобной плановой схемой.

И последнее. По поводу нашей оценки состояния изученности материальной культуры Мангупа (Кирилко, Мыщ 2001: 368, прим. 74), так задевшей самолюбие её исследователей (Герцен, Науменко 2009б: 434). Мы, пожалуй, были не правы в том, что не стали питать иллюзий на улучшение ситуации. Время всё расставило по своим ме-

стам. По крайней мере, не прошло и десяти лет, как А. Г. Герцен и В. Е. Науменко сами пришли к подобному выводу, представляя результаты своих исследований в районе церкви Св. Константина: «Речь идет о максимально полном, в рамках одной статьи, издании археологических комплексов этого времени, полученных в ходе раскопок. Такой формат работы помогает, на наш взгляд, лучше представить структуру вещественного комплекса находок Мангупского городища интересующей нас эпохи и попытаться выделить в нем надежные хроноиндикаторы для массового археологического материала, прежде всего керамического. **Как ни парадоксально, несмотря на то, что культурный слой и строительные остатки этого периода выражены в стратиграфии памятника практически повсеместно и достаточно хорошо, а такие архитектурно-археологические объекты, как Цитадель, Дворец 1425 г., Большая Базилика, доминируют в планиграфии городища, такая работа предпринимается едва ли не впервые** (выделено мной — В. К.). До этого в историографии при публикации материалов XIV—XV вв. обычно речь шла либо об общей характеристике открытых объектов и иллюстрировании исследователями своих заключений наиболее яркими и показательными категориями находок, либо об анализе отдельных групп артефактов, прежде всего, глазурированной керамики» (Герцен, Науменко 2009а: 390)⁹.

Лёд всё-таки тронулся, господа присяжные заседатели и коллеги.

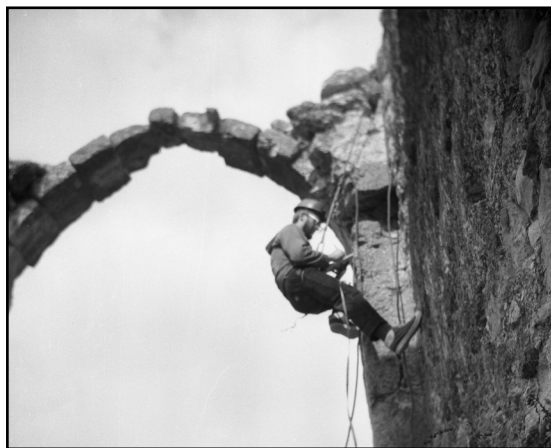

Рис. 9. В. П. Кирилко в работе над статьей «Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV—XV вв.)». Фото С. В. Татарцева.

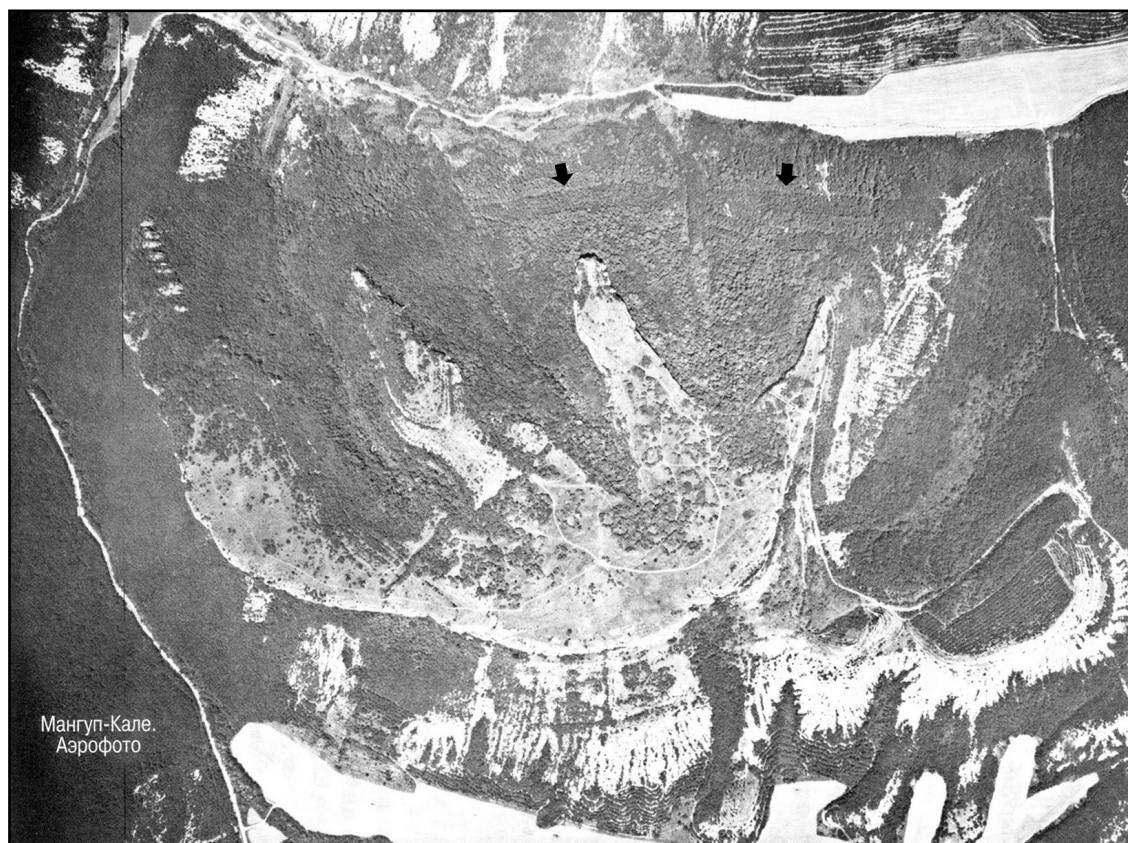

Рис. 10. Аэрофотоснимок Мангуп-Кале. Стрелками обозначен раннесредневековый ров.

P. S.

Несмотря на всю нелепость предъявленных обвинений, я, как ни странно, весьма признателен А. Г. Герцену и В. Е. Науменко. Чтобы разобраться в возникшей, по сути дела, на пустом месте проблеме, мне вновь пришлось поднять основную литературу по Мангупу и тщательно её проштудировать. Как результат, моё усердие, помимо прочего, было вознаграждено также уникальной находкой, почему-то не замеченной до сих пор другими исследователями. На аэрофотоснимке Мангуп-Кале, уже вве-

денном в научный оборот (Герцен 2001а: 29; 2007: 33), отчётливо виден широкий ров перед мысами Тешкли-бурун и Елли-бурун, который препятствовал доступу на плато через балки Капу-дере и Гаммам-дере (рис. 10). Предварительно, это сооружение может быть отнесено к раннему средневековью. Если данное наблюдение получит подтверждение при археологических раскопках, современное представление о фортификации Мангупа претерпит основательную корректировку.

⁹ В ссылках к цитируемому фрагменту наряду с работами предшественников авторы статьи критически отметили также несколько своих публикаций, правда, почему-то позабыв упомянуть при этом ключевое исследование памятника —

монографию А. Г. Герцена «Крепостной ансамбль Мангупа», в которой керамический материал представлен всего одиннадцатью обломками сосудов, запечатлённых двумя фотографиями (Герцен 1990: 260, рис. 27—28).

Литература

- Асеев Ю.С., Лебедев Г.А. 1961. *Архитектура Крыма*. Киев: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре УССР.
- Асеев Ю.С. 1966. *Архитектура Северного Причерноморья (V—IX вв.)*. В: Яралов Ю.С. (отв. ред.). *Всеобщая история архитектуры*. Т. 3. Ленинград; Москва: Издательство литературы по строительству, 502—515.
- Бертье-Делагард А.Л. 1918. Каламита и Феодоро. *ИТУАК* 55, 1—44.
- Бочаров С.Г. 2008. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп. В: Могаричев Ю.М. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь: АнтикВА, 191—211.
- Браун Ф.А. 1893. Раскопки, произведенные на Мангупе летом 1890 г. *ОАК за 1890 г.* Санкт-Петербург, 16—19.
- Брун Ф.К. 1880. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в Южной России. *Черноморье*. Т. II. Одесса.
- Веймарн Е.В. 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя. *МИА* 34, 419—429.
- Веймарн Е.В. 1975. Пам'ятки південно-західного Криму. В: Довженко В.Й. (відп. ред.). *Археологія Української РСР*. Т. 3. Київ: Наукова думка, 454—467.
- Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ I*, 87—166, 242—271.
- Герцен 1998: *Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1997 г. (к открытому листу № 125/33 от 27 июня 1997 г. и Разрешению на исследование недвижимого памятника истории и культуры № 21 от 2 июля 1997 г. выданным Герцену А.Г.)*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 491.
- Герцен 1999: *Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1998 г. (к Открытому листу № 125/35 от 01 июля 1998 г. и Разрешению на исследование недвижимого памятника истории и культуры № 21 от 2 июля 1998 г. выданным Герцену А.Г.)*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 599.
- Герцен 2000: *Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. (к Открытому листу № 125/40 от 19 июня 1999 г. и Разрешению на исследование недвижимого памятника истории и культуры № 30 от 28 июня 1999 г., выданным Герцену А.Г.)*. Научный архив КФ ИА НАНУ. № 629.
- Герцен А.Г. 2001а. *Мангуп: город в крымском поднебесье*. Симферополь: Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий».
- Герцен А.Г. 2001б. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Магфея. *АДСВ* 32, 257—282.
- Герцен А.Г. 2006. Христианская община Мангупа под властью турок. В: *Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7—10 июля 2005 г., пос. Партенит*. Симферополь: Изд-во Симферопольской и Крымской епархии, 22—40.
- Герцен А.Г. 2007. *Мангуп: город в крымском поднебесье*. Симферополь: Таврия.
- Герцен А.Г. 2008. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.). В: Могаричев Ю.М. (ред.-сост.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь: АнтикВА, 212—254.
- Герцен и др. 2007: Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2007. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI—XVIII вв.). *МАИЭТ XIII*, 233—289.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2009а. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.). *МАИЭТ XV*, 389—431.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2009б. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997—1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология. *АДСВ* 39, 423—466.
- Дневник 1913: *Дневник Р.Х. Лопера (Археологические заметки, рисунки и черновые чертежи по Мангупу)*. 1913 г. Научный архив НЗХТ. Д. 90.
- Домбровский О.И., Махнева О.А. 1973. *Столица феодоритов*. Симферополь: Таврия.
- Дюбуа де Монпере Ф. 2009. *Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В Батумах. Париж, 1843. Т. 5, 6*. Перевод, предисловие и примечания Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Кирилло В.П. 1997. Византийская архитектура Мангупа. *Археология Крыма*. Т. I. № 1. Симферополь: «Южногородские ведомости», 89—97.
- Кирилло В.П. 1999. Аспры с большим «Г» на лицевой стороне: опыт интерпретации. *Stratum plus* 6, Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 137—141.
- Кирилло В.П. 2001. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV—XV вв.). *АДСВ* 32, 283—308.
- Кирилло В.П. 2005а. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.)*. Киев: ИД «Стилос».
- Кирилло В.П. 2005б. Южный вход большой Мангупской базилики. *АДСВ* 36, 260—272.
- Кирилло В.П., Мыц В.Л. 2001. Октагональный храм Мангупа. *АДСВ* 32, 354—375.
- Книга путешествий 1996: *Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1461—1667 гг.)*. Перевод с польского М.Б. Кизилова. 1996. Симферополь: Таврия.
- Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Лопушинская Е.И. 1996. Цитадель на Мангуп-Кале. *АН* 41, 50—54.
- Мыц В.Л. 1984. Загородный храм и некрополь Мангупа. *АДСВ* 21, 57—66.
- Мыц В.Л. 1990. Крестообразный храм Мангупа. *СА* (1), 224—243.
- Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Никольский Н.П. 1892. Мангуп-Кале. *Записки Крымского горного клуба* 2. Одесса.
- Описание Крыма 1867: *Описание Крыма (Tartariae Descriptio)* Мартина Броневского. *ЗООИД* 6, 333—367.

- Отчет 1890: *Отчет и другие материалы о раскопках приват-доцента Петербургского университета Ф.А. Брауна в 1890 г. на Мангупе с целью отыскания готских поселений*. Архив ИИМК РАН. Ф.1. Д. № 40/1890.
- Протоколы 1914: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. *ИТУАК* 51, 280—346.
- Тиханова М. А. 1953. Базилика. *МИА* 34, 333—389.
- Хроника 1990: Хроника. Ленинградское отделение Российского Палестинского общества. 1987—1988 гг. *Палестинский сборник* 30 (93). Ленинград, 135—141.
- Эвлия Челеби 2008. *Книга путешествия. Крым и со- предельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Симферополь: «Доля».
- Якобсон А. Л. 1940. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. *СА* (6), 205—226.
- Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. *МИА* 63.
- Księga podróży 1969: *Księga podróży Ewliji Czelebiego: (Wybór)*. 1969. Tłumaczyły z języka tureckiego Z. Abrahamowicz, A. Dubiński, St. Plaskowska-Rymkiewicz; Redakcja naukowa, wybór i komentarze Z. Abrahamowicz. Warszawa: Książka i wiedza.

Статья поступила в номер 15 мая 2010 г.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Vladimir Kirilko (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimeea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Кирилко Владимир Петрович (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net